

Д. Д. Кишенский — Ф. М. Достоевскому

27 июля 1873 г.

Милостивый Государь

Федоръ¹ Михайловичъ.

Ваше письмо меня глубоко разочаровало насчетъ моей драмы, именно потому, что я вамъ все еще вѣрю и я думаю не перестану, по крайнѣй мѣрѣ, не вижу причины, почему бы перестать вѣрить? Я думалъ, что я написалъ, что нибудь дѣйствительно глубокое, высоко-талантливое, а оказалось что идеи мои, которыя я провожу, не видны, или не понятны! Иначе я не могу объяснить себѣ Вашего письма въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Но лучше приступить прямо къ дѣлу:

1^е Гордѣева Вы² ставите рядомъ съ Ольгой и Бородинымъ? Но Гордѣевъ не нигилистъ, а гражданинъ и человекъ. Въ Гордѣевѣ я хотѣлъ провести именно Евангельскую Любовь и всепрощеніе. Гордѣевъ у меня идеаленъ, но иначе не сдѣлаешь. Вся его жизнь прощеніе и любовь, въ немъ есть Вѣра, и онъ, въ послѣднемъ монологѣ³ одинокій, убитый личнымъ горемъ, — говоритъ о любви и что только ею, можно убить порокъ и зло, и этому я вѣрю самъ. Что онъ говоритъ Вѣрѣ, женѣ или невѣстѣ, то онъ говоритъ, какъ знатокъ человѣческаго сердца, что «молъ я старъ, полюбите вы другаго, но⁴ я не казню васъ а прощю!»>. Поэтому Гордѣевъ не пройдетъ ни одну подлость съ похвалою! Вотъ какимъ я хотѣлъ сдѣлать Гордѣева, т. е. хотѣлъ олицетворить всеобъемлющую любовь и прощеніе! Почему? потому что у молодого поколѣнія нѣтъ этаго⁵, а есть ненависть, есть желчь и проклятье! <л. 3> И это стало быть мнѣ не удалось.

2^е Дошли мы до Вѣры. Вѣра, жена Гордѣева, умирая говоритъ, что у нее отняли основаніе, т. е. вѣру, семью. Липочка говоритъ, что она счастлива⁶, что возвратилась къ Богу! Ольга, предъ смертью, вспоминаетъ свою мать, ея вѣру, говоритъ, что вѣра утѣшеніе, опора, и смѣется надъ собой, что понадеялась на свою силу! Весь монологъ Ольги, монологъ отчаянія, глухаго отчаянія, онъ показываетъ, что даетъ жизнь атеистамъ. Но выше всего необходимость вѣры доказывается Пургинымъ и Катей! прочтите ихъ. «У насъ нѣтъ вѣры чтожъ остается намъ?»⁷ (и нигилистамъ я⁸

¹ Так в подлиннике (должно быть: Федоръ).

² Вместо: Вы — было: вы

³ Далее была запятая.

⁴ но вписано.

⁵ Так в подлиннике.

⁶ Вместо: счастлива — было: счастлива

⁷ Вместо вопросительного знака была запятая.

⁸ я вписано.

выставляю ихъ идеаль, т. е., атеиста, отвергнувшаго семью, обязанности⁹ и пр. и нигилисты робѣютъ, сами ругаютъ свой идеаль (Хватовъ, Старинъ) содрогаются при видѣ его!<.>

Вы хотите, чтобъ я вписалъ въ мысль о необходимости брака въ практичномъ отношеніи, еще мысль о необходимости вѣры въ бракъ? рассмотримъ эту мысль, не въ отношеніи вѣры или истины, высказываемой Вами, а относительно общества. Есть ли на свѣтѣ книга выше, гуманнѣе, въ которой содержалось бы больше истины¹⁰ какъ Евангеліе? Нѣтъ! Кто читаетъ въ обществѣ Евангеліе? Никто! Ступайте въ церковь¹¹, въ гостинную¹², начните говорить проповѣдь — никто слушать не будетъ! Это факты. Да, грустный фактъ, что въ обществѣ корчатъ всѣ атеистовъ и книгу¹³ гдѣ дѣло идетъ о вѣрѣ, ту читать не будутъ. Поэтому то, мнѣ кажется, не слѣдуетъ помѣщать еще о вѣрѣ въ моей драмѣ. Мысль о вѣрѣ западетъ въ душу мыслящаго, при видѣ на сценѣ или при чтеніи, потому что увидитъ, что даетъ¹⁴ и что дѣлаетъ атеизмъ съ людьми! и этаго¹⁵ покуда довольно! Если же помѣститъ болѣе, <л. 3 об.> то драму не прочтутъ! Не лучше ли, чтобъ понемногу проникала въ общество мысль о вѣрѣ, чѣмъ сразу отпугнуть его многимъ? Надо имѣть еще въ виду журналы, этихъ поставщиковъ проститутокъ и атеистовъ, заглядятъ они о ханженствѣ, о среднихъ вѣкахъ и проч. Ну, и никто не прочтетъ драму, вѣдь мало того, что ее прочтутъ вѣрующіе! Думайте теперь! Поправить я Вамъ вѣрю, слова Гордѣева въ 1^{мѣ} дѣйствіи о томъ, что онъ дозволяетъ невѣстѣ любить другаго, и что онъ приметъ ее опять, вычеркните. Но вставить, вставляйте, но чтобъ не испортить дѣло! — 3^е. Дальше: Вы обвиняете меня въ томъ, что я падаю ницъ предъ Бородинымъ и Ольгой: не доказываетъ ли вся драма ихъ негодность, т. е. ихъ принциповъ: Бородинъ самъ себя признаетъ никуда не годнымъ, лишнимъ человекомъ, болтуномъ. Его убиваютъ товарищи революціонеры! Онъ, Ольга, отвергаютъ семью и сами образецъ семьи, Ольгу поддерживаютъ одна семья, т. е. любовь матери и гибнетъ она, какъ нѣтъ семьи! Хватовъ семьянинъ! Всѣ они смѣются, ругаютъ¹⁶ дармоѣдовъ, получающихъ вознагражденіе не по труду, — а сами немислимое въ 6–12 тысячъ жалованье получаютъ! Наконецъ Катя, Пургинъ, эти типы современныхъ подлецовъ, неужели недостаточно доказываютъ всю гадость, невозможность, нигилизма? Но дѣло то въ томъ, нигилисты не отвѣтятъ мнѣ, что я вру, я выставляю честныхъ и подлецовъ

⁹ Так в подлиннике.

¹⁰ В подлиннике ошибочно: истинны

¹¹ В подлиннике ошибочно: церковь

¹² Так в подлиннике.

¹³ книгу вписано.

¹⁴ Далее была запятая.

¹⁵ Так в подлиннике.

¹⁶ Далее была запятая.

и всѣ падаютъ, потому что основы нѣтъ! Вѣра загнана¹⁷ въ развратъ, Бородинъ въ гробъ, Ольга въ содержанки, Липочка въ развратъ, Гордѣевъ въ кабакъ, наконецъ, эти чудовищи¹⁸ разврата Катя и Пургинъ, неужели они не доказываютъ, и не доказываютъ сильно <л. 4> негодность, вредъ, нигилизма! въ такомъ случаѣ моя драма не удалась!

4¹⁹. У меня тоже есть большое мѣсто — это народъ русскій и Россія! и мнѣ гадко смотрѣть, какъ ихъ грабятъ, какъ напр<имѣръ> Губонинъ накралъ 12 милліоновъ крови народной, да еще въ дворяне пожалованъ! не службу на желѣзной дорогѣ, а службу въ конторахъ при постройкѣ желѣз<ных> дор<ог> хочу я хлестать, потому что это конторы грабежа!

5²⁰. Гордѣевъ долженъ быть писатель, потому что, иначе, въ его послѣднемъ монологѣ²¹ нѣтъ смысла! Но, кромѣ того, что мнѣ хочется хлестнуть²² генеральство журналовъ и партій, это противунигилистически. Они мужа рисуютъ дуракомъ, деспотомъ, я ставлю идеала мужа и ихъ принципы губятъ все таки жену! Этого одного я не могу измѣнить! А остальное — дѣлайте, что угодно, многоуважаемый Федоръ Михайловичъ, только примите къ свѣденію и мои замѣтки, и въ сихъ поправкахъ я Вамъ вѣрю, и что вы по сему законно учините спорить и прекословить не буду!

Не шутя, я прошу еще пощады всѣмъ конечнымъ монологамъ! Не хочется мнѣ ихъ уменьшать.

А все таки грустно, что я обманулся, и драма вышла не велика, не общечеловѣчна!

Съ нетерпѣніемъ жду письма или 1^{зо} дѣйствія драмы. Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью

остаюсь Вашъ

Д<.> Кишенск<ій.>

1873 года

27 Іюля

Москва. NB. При поправкахъ имѣйте, будьте такъ добры, въ виду театральную цензуру, мнѣ хочется непременно поставить на сцену въ чемъ не можете ли Вы, добрѣйшій Федоръ Михайловичъ, подать руку помощи? Простите за поправки и поправки, тороплюсь! <л. 4 об.>

Источник текста: НИОР РГБ. Ф. 93.П.5.73. Л. 3–4 об.

Из Москвы. <В Петербург.>

Упоминается: *Описание*, 403; *Летопись*, II, 398.

¹⁷ Так в подлиннике.

¹⁸ Так в подлиннике.

¹⁹ Вместо: 4 — было: 3

²⁰ Вместо: 5 — было: 4

²¹ Вместо: въ его послѣднемъ монологѣ — было: его послѣдній монологъ

²² Так в подлиннике.

Отрывки напечатаны: *ЛН*, 83, 342–343; *Ланский Л.* Утраченные письма Достоевского // *ВЛ*. 1971. № 11. С. 213.

Первая полная публикация: Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов [Электронный ресурс] // Электронные научные издания: сайт кафедры русской литературы и журналистики ПетрГУ. — URL: <http://philolog.petrSU.ru/fmdost/letters/letters.htm> (28.07.2017).

Публикуется по автографу.

Комментарии:

Д. Д. Кишенский отвечает на несохранившееся письмо Достоевского от 24 или 25 июля 1873 г. (см.: *ДЗ*, 29₁, 560; *Летопись*, II, 393; *МиИ*, XVIII, 412).

Достоевский ответил корреспонденту в последних числах июля или первых числах августа 1873 г.; ответ не сохр. (см.: *МиИ*, XVIII, 402–404, 415).

...*Гордьева Вы ставите рядомъ съ Ольгой и Бородинымъ?* — Павел Гордеев, Александр Бородин, Ольга и Вера Стожневы, Липочка, Пургин, Катя, Хватов, Старин — герои пьесы Д. Д. Кишенского «Падение».

Но вставить, вставляйте, но чтобъ не испортить дѣло! — По наблюдению А. В. Архиповой, текстовая вставка Достоевского может содержаться в прологе «Падения» в следующих словах Гордеева: «Сами себя производите въ идолы, да и молитесь на себя. Скажи ктонибудь слово объ вашихъ ошибкахъ (а вѣдь ошибокъ-то ухъ какъ много!) — камнями закидаютъ, грязью зальютъ; хуже всякихъ цензоровъ обезславятъ; доносы посыплются обществу! Для васъ ничего не значить что человекъ трудится, жизнью за убѣжденія заплатилъ; чуть слово противъ, чуть ошибется разъ въ жизни отданной другимъ, пожертвованной на добро — сейчасъ въ грязь втопчуть!» (*Гр.* 1873. № 34. С. 929). Данное рассуждение Гордеева имеет близкое соответствие в записной книжке Достоевского 1860–1862 гг. (см.: *Архипова А. В.* Достоевский и Кишенский // *МиИ*, II, 204).

...*Губонинъ накралъ 12 милліоновъ крови народной, да еще въ дворяне пожалованъ!* — Губонин Петр Иванович (1825–1894) — крупный предприниматель и меценат; происходил из крепостных крестьян. Капитал заработал на строительстве железных дорог. Личное дворянство было пожаловано П. И. Губонину за деятельное участие в подготовке Политехнической выставки в Москве (1872).

...*имѣйте ~ въ виду театральную цензуру, мнѣ хочется непременно поставить на сцену...* — Вопрос о постановке на сцене драмы Д. Д. Кишенского «Падение» рассматривался в 1875 г. Советом Главного управления по делам печати. Пьеса была признана «к представлению неудобной» (см.: *Рейтблат А. И.* Кишенский Дмитрий Дмитриевич // *Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь.* М., 1994. Т. 2. С. 547).